

Антология Евг. Евтушенко «В начале было слово»

Рифмы войны

Новая газета. - 2005. - 20.06-22.06. - с.28

Михаил ЛУКОНИН

1918—1976

Михаил Луконин, ставший героем многих моих стихов, родился на хуторе Быковы Хутора над Волгой, играл в сталинградском «Тракторе» в футбол. Ушел добровольцем на финскую войну. Луконинские строки «Но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой» были тогда на устах у всех.

Его как поэта убила Сталинская премия, присужденная ему за далеко не лучшую поэму «Рабочий день». Ему начали заказывать статьи, стихи, доклады, а он был более интуитивный поэт, чем профессиональный. У него были только очень хорошие либо очень плохие стихи. Луконин всегда был окружен молодыми и помогал печататься многим из нас — Владимиру Соколову, Рождественскому, Ахмадулиной, мне и другим.

Именно Луконин предупредил меня, как надо себя вести, если КГБ будет стараться «вербануть» меня (см. роман «Не умирай прежде смерти»).

Жаль, что талант его остался недоиспользованным. Но порой поэты воплощаются и в своих молодых продолжателях.

Без благодарности к фронтовой плеяде в России не может быть новых великих поэтов.

2-й Белорусский фронт. 1945 г.
Поэты М. Матусовский, В. Замятин,
С. Наровчатов и М. Луконин

* * *

Госпиталь. Все в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом.
Запеленав нас туго в одеяла
И подтрунив над тем, как мы малы,
Нагнувшись, воду по полу гоняла
Сестра... А мы глядели на полы,
И нам в глаза влетала синева,
Звенящая, с размытыми краями.
Вода, полы... Кружилась голова.
Слова кружились:
«Друг, какое нынче?
Суббота? Вот не вижу двадцать дней».
Пол голубой в воде, а воздух гымчат.
— Послушай, друг...
И все о ней, о ней.
Несли обед. Из ложек нас кормили.
Завидует танкист ослепший мне
И говорит про то, как двадцать дней
Не видишь. И — о ней, о ней, о ней.
— А вот сестра.
Ты письма продикуй ей!
— Она не сможет, друг,
тут сложность есть.
— Какая сложность!
Ты о ней не думай...
— Вот ты бы взялся?
— Я?
— Ведь руки есть?!
— Я не могу!
— Ты сможешь!
— Слов не знаю!
— Я дам слова...
— Я не любил...

— Люби!
Я взял перо.
А он сказал: — Родная!
Я записал.
Он: — Думай, что убит.
«Живу!» — я записал.
Он: — «Ждать не надо!».
А я, у правды всей на поводу,
Вогнул пером: «Дождись, моя награда...».
Он: «Не вернусь...».
А я: «Приду! Приду!».
Шли письма от нее. Он пел и плакал,
Письмо держал у просветленных глаз.
Теперь меня просила вся палата:
— Пиши! — их мог обидеть мой отказ.
— Пиши!
— Но ты же сам сумеешь, левой!
— Пиши!
— Но ты же видишь сам!
— Пиши!
Госпиталь. Все в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом.
Где это все? Ни звука, ни души...
....А я? А я молчать уже не вправе.
Порученные мне, горят слова.
— Пиши! — диктуют мне они.
Сквозная
Летит строка.
— Пиши о нас! Труби!
— Я не могу...
— Ты сможешь...
— Слов не знаю...
— Я дам слова! Ты только жизнь люби!